

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА

УДК 343.1

А.Ф. ХАИРОВА,

аспирант

ГОУ ВПО «Самарский государственный университет»

АНАЛИЗ СООТВЕТСТВИЯ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ ТРЕБОВАНИЯМ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РФ

В статье рассматривается проблема необоснованности судебных определений о заключении под стражу. В ходе исследования предлагается классификация определений Верховного Суда РФ по уровню обоснованности приведенных в них выводов. По результатам проведенного анализа делается вывод, что большинство выносимых Верховным Судом РФ определений противоречит его же разъяснениям судебной практики.

Согласно ст. 126 Конституции РФ и ч. 5 ст. 19 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» Верховный Суд РФ (далее – ВС РФ) является высшим судебным органом по уголовным делам, который осуществляет судебный надзор за их деятельностью и дает разъяснения по вопросам судебной практики.

Вопрос об обязательности разъяснений Пленума ВС РФ для нижестоящих судов является спорным. В рамках данной статьи мы будем придерживаться позиции, согласно которой разъяснения Пленума ВС РФ являются обязательными как для самого Верховного Суда, так и для нижестоящих судов общей юрисдикции [1].

Очередные разъяснения относительно критериев оценки обоснованности постановлений о применении меры пресечения были даны Пленумом ВС РФ сравнительно недавно – в Постановлении № 22 от 29 октября 2009 г. «О практике применения судами мер пресечения в виде заключения под стражу, залога и домашнего ареста» (далее – Постановление). В п.п. 2, 3 Постановления указано, что обоснованность решения о заключении под стражу есть совокупность обоснованных выводов о причастности лица к совершенному преступлению, о наличии

указанных в ст. 97 УПК РФ оснований, а также о невозможности применения более мягкой меры пресечения. Из п. 3 данного Постановления также следует, что решение суда может рассматриваться как обоснованное только при подтверждении фактических обстоятельств, с которыми закон связывает возможность заключения лица под стражу, доказательствами, достоверность которых проверена в судебном заседании.

Рассмотрим, каково влияние разъяснений Постановления Пленума ВС РФ о применении меры пресечения в виде заключения под стражу на обоснование решений о применении меры пресечения, выносимых самим Верховным Судом РФ.

Для оценки обоснованности применения заключения под стражу ВС РФ проанализируем два вида выносимых им решений: постановления об избрании заключения под стражу в качестве меры пресечения (1) и определения по проверке законности и обоснованности применения меры пресечения (2).

(1) Несмотря на то, что избрание меры пресечения, по общему правилу, осуществляется на основании решения судьи районного суда, в некоторых случаях применить эту меру пресечения вправе и ВС РФ (ст. 255 УПК РФ).

Так, Постановлением Президиума ВС РФ в связи с возобновлением производства по уголовному делу ввиду открывшихся новых обстоятельств осужденный Ш. был заключен под стражу до момента повторного рассмотрения уголовного дела судом кассационной инстанции. Президиум ВС РФ указал на то, что Ш. осужден за совершение особо тяжкого преступления, может скрыться от суда и воспрепятствовать таким образом производству по уголовному делу в суде кассационной инстанции в разумные сроки [2].

По сути, вместо приведения данных, подтверждающих наличие оснований для избрания меры пресечения, Президиум ВС РФ обосновывает одно основание (возможность воспрепятствовать производству по уголовному делу) ссылкой на другое основание (возможность скрыться от суда), также не подтвержденное ни фактическими обстоятельствами, как требует УПК РФ, ни достоверными данными, как того требует Постановление.

Требования УПК РФ обоснованности заключения под стражу не всегда соблюдались и Судебной коллегией по уголовным делам ВС РФ (далее – Судебная коллегия ВС РФ). Так, отменяя приговор по уголовному делу в отношении А. и направляя дело на новое судебное рассмотрение, Судебная коллегия ВС РФ применила меру пресечения в виде заключения под стражу только на основании тяжести совершенного преступления [3].

Обязаны ли Президиум и Судебная коллегия ВС РФ обосновывать свои постановления об избрании меры пресечения, если к моменту принятия ими решений лицо уже признано виновным и отбывает наказание? Исчерпывающий ответ на этот вопрос был дан Конституционным Судом РФ: Конституционно-правовой смысл законоположений о судебной процедуре избрания заключения под стражу в качестве меры пресечения определяет содержание и применение соответствующих норм УПК РФ на всех судебных стадиях, поскольку гарантии от произвольного или избыточного ограничения свободы и личной неприкосновенности должны обеспечиваться на любом этапе уголовного судопроизводства [4].

Однако высказанная Конституционным Судом РФ правовая позиция не препятствует негативной практике вынесения ВС РФ постановлений об избрании меры пресечения лишь на основании тяжести преступления, или постановлений, во-

все не содержащих обоснования необходимости применения меры пресечения [5].

(2) Для составления собственного мнения о требовательности ВС РФ к обоснованности постановлений нижестоящих судов о заключении под стражу было изучено 100 определений Судебной коллегии ВС РФ, вынесенных в кассационном порядке в 2005–2009 гг. Среди них: 85 определений об оставлении без изменения постановлений областных и приравненных к ним судов (далее – областных судов), 3 определения об их изменении и 12 – об отмене постановлений нижестоящей инстанции.

Исходя из уровня обоснованности и мотивированности выводов, все определения Судебной коллегии ВС РФ можно разделить на несколько групп.

Первая группа – определения, обоснованные только тяжестью совершенного преступления и/или необходимостью ознакомления обвиняемого с материалами дела. К указанной группе можно отнести 45,9% изученных определений, оставивших постановления областных судов без изменения. Характерным примером таких актов является кассационное определение, вынесенное в отношении Х., обвинявшегося в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 210, ч. 4 ст. 159, ч. 4 ст. 174.1 УК РФ: «Судебная коллегия ВС РФ признала законным и обоснованным продление Х. срока содержания под стражей, указав, что Х. обвиняется в совершении тяжких и особо тяжких преступлений. Данное обстоятельство, в соответствии со ст. ст. 97 и 99 УПК РФ, явилось одним из оснований избрания обвиняемому меры пресечения в виде содержания под стражей.

Удовлетворяя ходатайство органов предварительного следствия о продлении Х. срока содержания под стражей, Тюменский областной суд указал, что с учетом характера преступлений, в которых Х. обвиняется, находясь на свободе, он может воспрепятствовать производству по уголовному делу, заняться преступной деятельностью» [6].

В определении указано, что основания, предусмотренные п. 1, 3 ч. 1 ст. 97 УПК РФ, подтверждаются характером преступлений, но ни УК РФ, ни УПК РФ не содержат понятия «характер преступления». На наш взгляд, оно использовано Тюменским областным судом и Судебной коллегией ВС РФ в качестве синонима уже упоми-

навшейся в их решениях тяжести совершенного преступления. Из рассматриваемого определения следует, что вывод о возможности лица воспрепятствовать производству по уголовному делу, скрыться или продолжить заниматься преступной деятельностью делается судом кассационной инстанции только на основании тяжести преступления (характера преступления), в котором это лицо обвиняется, без отражения в определении фактических обстоятельств дела.

Вторая группа определений была обоснована ссылкой суда кассационной инстанции на правильность постановлений нижестоящей инстанции. В таких определениях, обсудив доводы кассационной жалобы и изучив постановление суда нижестоящей инстанции, Судебная коллегия ВС РФ формулировала только итоговый вывод – «постановление обоснованно», но никогда – путь к этому выводу. Количество таких определений составило 47% от числа определений, оставивших постановления областных и приравненных к ним судов без изменения.

Характерным примером является определение, вынесенное в отношении П., который обвиняется в совершении ряда преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 209, ч. 4 ст. 111, ч. 2 ст. 167, ч. 2 ст. 167, п. п. «а», «б» ч. 4 ст. 162, п. «а» ч. 3 ст. 126, п. п. «а», «в», «ж», «з» ч. 2 ст. 105, ч. 2 ст. 167, ч. 3 ст. 222, ч. 3 ст. 222, ч. 3 ст. 222 УК РФ: «Судебная коллегия Верховного Суда РФ не усматривает оснований к отмене постановления и направлению дела на новое рассмотрение, поскольку принимая решение о продлении срока содержания П. под стражей, суд исходил из того, что П. обвиняется в совершении ряда преступлений, в том числе, относящихся к категориям тяжких и особо тяжких преступлений. Данных, которые свидетельствовали бы о наличии препятствий для дальнейшего содержания П. под стражей, суду не было представлено.

Приведенные П. доводы в обоснование возражений против продления срока содержания под стражей, такие как постоянное место жительства, явка в суд и отсутствие данных о том, что П. может скрыться от суда или иным способом воспрепятствовать установлению истины по делу, являлись предметом обсуждения в стадии судебного рассмотрения и обоснованно признаны судом не дающими основания к изменению П. меры пресечения на иную, не связанную с лишением свободы» [7].

По нашему мнению, простое утверждение об обоснованности доводов постановления нижестоящей инстанции не может считаться удовлетворительным в ситуации, когда, присутствуя при вынесении постановления о применении меры пресечения и получив его копию, обвиняемый не осознал достаточности приведенных в нем оснований, поскольку именно этим он мотивирует кассационную жалобу. Подтверждение обоснованности постановления авторитетной Судебной коллегией ВС РФ должно развеять все доводы обвиняемого, но этого не происходит, так как определение кассационной инстанции в нарушение п. 6 ч. 1 ст. 388 УПК РФ не мотивированно.

В уголовно-процессуальной науке общепризнано: кассационное определение, по сравнению с решением суда первой инстанции, должно быть «вдвойне» мотивированным. Как справедливо указывалось М.С. Строговичем, «мотивировка кассационного определения заключается в подробном и конкретном разборе доводов, содержащихся в кассационной жалобе, в сопоставлении данных, приведенных в ней, с материалами дела таким образом, что из разбора доводов жалоб вытекает их необоснованность» [8, с. 203–204]. Более того, кассационная инстанция обязана также обсудить мотивы, приведенные судом в постановлении, и даже в случае согласия с этими мотивами, необходимо не просто их повторить, а привести основания, в силу которых эти мотивы, по мнению суда второй инстанции, являются правильными [8, с. 204].

Аналогичные требования к обоснованию решений вышестоящих судебных инстанций предъявляет и Конституционный Суд РФ: «... в кассационных определениях, определениях и постановлениях надзорной инстанции должны быть изложены доводы лица, подавшего жалобу, и мотивы принимаемого по жалобе судебного решения... Предписания уголовно-процессуального закона не предоставляют суду кассационной или надзорной инстанции возможность игнорировать или произвольно отклонять доводы жалобы, не приводя фактические и правовые мотивы отказа в удовлетворении заявленных требований, поскольку мотивировка решения суда должна основываться на рассмотрении конкретных обстоятельств, нашедших отражение в материалах дела и дополнительно представленных сторонами материалах, а также на нормах материального и процессуального пра-

ва, – иначе не может быть обеспечено объективное и справедливое разрешение уголовного дела» [9].

Обе рассмотренные группы определений схожи тем, что не соответствуют требованиям УПК РФ и Постановлению Пленума ВС РФ об обоснованности решений суда о заключении под стражу и этим отличаются от определений, отнесенных нами к третьей и четвертой группам.

Третья группа – это определения, обоснованные не в полной мере. Сюда были отнесены определения, в которых обосновывалось одно из предусмотренных ч. 1 ст. 97 УПК РФ оснований для применения меры пресечения, но не мотивировалась невозможность применения более мягкой меры пресечения. Их количество составляет 9% от общего числа изученных определений Судебной коллегии ВС РФ. Характерным примером является определение ВС РФ в отношении Н., который обвиняется в совершении преступлений, предусмотренных п. «а» ч. 2 ст. 126, п. п. «в», «ж» ч. 2 ст. 105, ч. 2 ст. 309, ч. 2 ст. 309, ч. 3 ст. 30, п. п. «б», «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ: «Судебная коллегия ВС РФ пришла к выводу о законности и обоснованности постановления судьи. При решении вопроса об удовлетворении ходатайства государственного обвинителя судом учтены приводимые им мотивы, в том числе то, что в судебном заседании потерпевший З. пояснил, что Н. ранее при рассмотрении уголовного дела в суде оказывал на него воздействие в целях изменения им показаний в угоду его – Н. – интересам; может оказать такое давление и при новом рассмотрении дела; а также скрыться от суда при неблагоприятном для него вердикте присяжных заседателей; тяжесть предъявленного Н. обвинения.

При этом из представленных материалов видно, что Н. предъявлено обвинение, в том числе в том, что он пытался физически устранить потерпевшего З.» [10].

Полагаем, что в свете современных тенденций развития системы мер пресечения, направленных на расширение применения тех, которые не связаны с ограничением свободы, отсутствие мотивировки невозможности применения более мягкой меры пресечения не позволяет оценивать в качестве обоснованных как постановление суда о применении меры пресечения, так и определение суда кассационной инстанции.

В полной мере обоснованными можно признать только 12% от числа изученных опреде-

лений Судебной коллегии ВС РФ, которые и составляют четвертую группу. Характерным примером мотивировки является: «Судебная коллегия Верховного Суда РФ находит постановление судьи Верховного Суда Республики Башкортостан подлежащим отмене, а материал по ходатайству о продлении срока содержания О. под стражей подлежащим направлению на новое судебное рассмотрение по следующим основаниям.

Судья, принимая решение о продлении срока содержания О. под стражей, сослался на то, что О. обвиняется в совершении особо тяжкого преступления и, находясь на свободе, может скрыться и воспрепятствовать производству по уголовному делу, однако никаких конкретных фактических данных, обосновывающих такие выводы, не привел.

Судья пришел к выводу о необходимости продления срока содержания обвиняемого под стражей, выслушав стороны и изучив представленные материалы, однако ни из самого постановления, ни из протокола судебного заседания не видно, о каких именно материалах идет речь. Согласно протоколу, в судебном заседании только были заслушаны следователь, прокурор, обвиняемый О. и адвокат, после чего судья удалился в совещательную комнату для вынесения постановления. Факт же исследования каких-либо доказательств и иных материалов в протоколе судебного заседания не отражен, из чего следует, что такого исследования не проводилось, а коль скоро это так, то, в соответствии с ч. 3 ст. 240 УПК РФ, основывать на этих материалах выводы, сделанные судом в решении, недопустимо.

Утверждая необходимость продления срока содержания О. под стражей, судья сослался также на наличие исключительных обстоятельств, связанных с большим числом лиц, привлекаемых к уголовной ответственности за совершение значительного количества тяжких и особо тяжких преступлений, и с необходимостью производства большого числа экспертиз, в частности, фоноскопических.

Подобные доводы носят неоправданно абстрактный характер, в силу чего приведение их в обоснование продления срока содержания под стражей именно обвиняемому О., который, как видно из постановления следователя, обвиняется в совершении только одного преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30 и п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ, представляется неубедительным.

Не усматривается из постановления суда и протокола судебного разбирательства и то, что основанием для продления срока содержания обвиняемого под стражей могут служить неполучение результатов фоноскопических экспертиз по истечении более чем года предварительного следствия по уголовному делу, поскольку конкретные материалы, из которых могло бы следовать, что невыполнение этих действий ранее не с субъективными факторами, приведшими к неоправданному затягиванию предварительного следствия, судом не исследовались.

При таких обстоятельствах постановление судьи Верховного Суда Республики Башкортостан в отношении О. не может быть признано законным и обоснованным, в связи с чем оно подлежит отмене, а материал по ходатайству следователя – направлению на новое судебное рассмотрение. Поскольку для нового рассмотрения материала необходимо определенное время, на этот период в отношении О. следует избрать меру пресечения в виде заключения под стражу» [11].

Мотивировка, типичная для определений, итогом которых обычно становится освобождение лица из-под стражи, привела Судебную коллегию ВС РФ к нетипичному, по нашему мнению, выводу.

В трех строках, посвященных обоснованию необходимости содержания О. под стражей, не нашли отражения ни фактические данные, подтверждающие предположение о возможности обвиняемого скрыться и воспрепятствовать производству по уголовному делу, ни невозможность избрания более мягкой меры пресечения, ни исключительность обстоятельств для содержания под стражей свыше 12 месяцев, ни обусловленность долгого периода предварительного расследования объективными, а не субъективными факторами.

Таким образом, несмотря на признание незаконности, необоснованности, немотивированности постановления судьи Верховного Суда Республики Башкортостан, Судебная коллегия ВС РФ, по сути, вынесла такое же незаконное, необоснованное, немотивированное решение об оставлении О. под стражей.

Обобщим результаты исследования:

1. Избирая меру пресечения и оценивая законность и обоснованность ее применения областными судами, Верховный Суд РФ не всегда следует разъяснениям, данным Пленумом ВС РФ в Постановлении № 22 от 29 октября 2009 г. «О практике применения судами мер пресечения в виде заключения под стражу, залога и домашнего ареста» и толкованию УПК РФ Конституционным судом РФ.

2. Непоследовательность Верховного Суда РФ в качестве суда кассационной инстанции приводит к формированию на местах негативной судебной практики необоснованного заключения лиц под стражу, которая зачастую не может быть изменена путем обжалования в кассационном и надзорном порядке.

Список литературы

1. Смирнов Л.В. Деятельность судов РФ как источник права // Журнал российского права. – 2001. – № 3. – С. 50–54.
2. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 25 ноября 2009 г. № 131-П09 // СПС «КонсультантПлюс».
3. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 11 декабря 2008 г. № 67-Д08-27 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 22.03.2005 № 4-П // СПС «КонсультантПлюс».
5. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 25 февраля 2009 г. № 12-П09ПР, Определение ВС РФ от 13 ноября 2008 г. № 87-о08-14 и др. // СПС «КонсультантПлюс».
6. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ от 27 ноября 2008 г. № 89-о08-69 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ от 17 июня 2009 г. № 66-о09-78 // СПС «КонсультантПлюс».
8. Строгович М.С. Проверка законности и обоснованности судебных приговоров. – М., 1956. – С. 203–204.
9. Определение Конституционного Суда РФ от 08.07.2004 № 237-О // СПС «КонсультантПлюс».
10. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 22.02.2006 № 58-о06-8 // СПС «КонсультантПлюс».
11. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 8 июля 2009 г. № 49-о09-75 // СПС «КонсультантПлюс».

В редакцию материал поступил 16.06.10

Ключевые слова: определение суда, необоснованность, заключение под стражу, практика Верховного Суда РФ.